

Вкус поражения и отчаяния все еще горчил на языке Мэй, несмотря на то, что всей команде удалось избежать смерти. Тот факт, что Зиггурд должен был заплатить за это своей жизнью, был слишком горькой таблеткой для того, чтобы ее проглотить, не запив и слишком трудным фрагментом из памяти для обработки и осознания всего произошедшего. Насколько бы она не пыталась отложить кусочки памяти в дальний ящик и сосредоточиться на выходе из подземелья, память каждый раз ускользала от нее, словно песок сквозь пальцы и возвращала ее на первый план ее разума и в те события, заставляя ее сомневаться во всем, что следовало за ней.

Все, вплоть до его жертвы, было открытым основанием для критики и ненависти к себе. Если бы она могла убить больше монстров, тогда на ее сторону был бы нанесен меньший урон. Если бы она избегала нанесения большего урона, возможно, ему не пришлось бы жертвовать своей жизнью. Если бы она была сильнее, она могла бы защитить своих друзей. Если бы она знала магию, возможно, она могла бы поддержать Зиггурда. Если бы они не заняли эту должность, они все равно были бы вместе. Если. Это слово переполнило ее мысли, что привело к появлению целой мысленной и бесконечной спирали, которая, казалось, никогда не закончится.

Это без конца и края долбило ее мозг, влетая туда и обратно, бесконечно, как мухи, жужжащие над гнойной раной. Однако, насколько бы эти мысли не угрожали ее сожрать, она знала, что она не единственная, кого подобные мысли добивали. Аддер был непривычно спокойным, его движения были вялыми, и в глубинах его глаз застыл удрученный взгляд. Мэй знала, что Зиггурд и Аддер часто не соглашались друг с другом, но, несмотря на это, они были лучшими друзьями, соревнуясь и споря обо всем на свете. Элла была еще хуже, чем Аддер, ее движения были жесткими, даже когда ее глаза сощурились, чтобы проникнуть глубже в вечные сумерки, которые поддерживались в подземелье. Элла тихо плакала, чтобы поспать накануне вечером. Возможно, она попыталась скрыть это, но звук достиг чувствительных ушей Мэй, так же ясно, как звон колокола. Мэй предпочла не упоминать об этом инциденте и позволить Элле скорбеть, как ей нравится. Все они знали, что она пытается быть сильной ради всех, и Мэй не подрывала ее усилий, не вытаскивала из нее признание. Было бы время поговорить после того, как они покинут подземелье.

Джеймс, с другой стороны, вместо того, чтобы оплакивать, как и другие, взял на себя все усилия, чтобы работать неустанно. Мэй никогда не видела гигантского человека более яростно сосредоточенного, постоянно готового, неся большую часть чужих грузов. Человек, который всегда был самым тихим членом «Лазурной Стрелы», в течение последних трех дней стал почти немым. Он общался главным образом через хрюканье и жесты, когда он работал без отдыха. Мэй могла сказать, что он больше всех себя обвинял. Он был щитом команды, его роль заключалась в том, чтобы поглотить урон врага, и при этом атаковать самому. Он упал, пытаясь защитить Зиггурда, избитый одним из этих странных медведей, в то время как кобольд ударил его по почкам.

Хуже того, хотя они пытались восстановить тело Зиггурда, оно исчезло в одночасье. Все подозревали, что подземелье поглотило его, так же, как оно поглотило всех других мертвых.

С моральным состоянием, какое было, Мэй была чрезвычайно рада, что подземелье увидело, что он подошел к своей сделке и очистил свой путь от монстров. Единственный раз, когда они видели монстра, который просто ушел с пути, чтобы пропустить их. Не то чтобы это имело значение. Джеймс жестоко избил существо за считанные секунды, так как голем не сопротивлялся.

В этом смысле это было почти вандализмом. Голем мог также быть статуей для всей его защиты, и Джеймс счастливо воспользовался этим. С другой стороны, Мэй не возражала против этого. Возможно, это даже помогло Джеймсу, поскольку это позволило ему безопасно выразить некоторые из своих разочарований. Или так же безопасно, как избивать дерево кулаками. Несмотря на свои перчатки, он сумел разорвать кожу на костяшках в нескольких местах, прежде чем использовать свой топор, чтобы закончить работу.

Прошли дни, пока они искали, как выбраться и вернуться на поверхность. День и ночь становились неразличимыми пятнами во времени. Иногда Мэй не могла сказать, спала ли она целыми днями или все было осознанным сном. Вверх и вниз по лестнице они двигались, не зная, куда идти, все казалось вечностью. Никто из них не был достаточно осведомлен, чтобы вспомнить путь, который они предприняли для достижения пятого этажа.

У Мэй было ощущение, что, несмотря на то, что они шли по коридорам в течение нескольких дней, они до сих пор не приблизились к поверхности. Скорее, казалось, что они углубились в подземелье. В лабиринте не было очевидной закономерности или разума, просто неразборчивый узел проходов и комнат, которые бросали вызов логике.

«Помогииииите!», - раздался женский крик, донесшийся спереди, голос, который Мэй никогда не слышала раньше.

«Помощь уже идет!» - мгновенно произнесла Мэй, ее уши оживились, когда адреналин начал двигаться по ее венам, заставляя ее стать бдительнее.

«Отчет», - приказала Элла, отрывая взгляд от пустого места перед ней.

«Женский крик, идущий со второго туннеля справа», - сообщила Мэй, натягивая тетиву своего лука, пока говорила. - «Звуки борьбы».

«Выдвигаемся», - резко сказала Элла, ее тон был твердым и командирским.

Никто не спорил, когда все начали действовать. Джеймс шел впереди, со щитом в руке, а остальные следовали за ним. Мэй почувствовала, как ритм ее сердца ускорился, когда крики о помощи стали более запутанными и испуганными. Ее ум был наполнен темными представлениями о том, что могло случиться с бедной женщиной, которую они

слышали. Разрывали ли ее на куски клыки волка? Или это был ивовый голем, сдирающий ее кожу? Были ли ее кости раздавлены голем? Или ее спутники были зарублены кобольдами?

В ее голове разыгрывалось сто различных сценариев, каждый хуже, чем предыдущий. Это была спираль ужаса, которая закончилась только тогда, когда они достигли маленькой комнаты, откуда исходил звук. Ворвавшись в комнату, «Лазурная Стрела» была встречена с видом, слишком похожим на то, что осталось у них в памяти, хотя и в гораздо меньших масштабах. Трупы нескольких кобольдов и волков усеивали пол, мертвые человеческие тела лежали распластанными по земле, их конечности отсутствовали или скручивались под невозможными углами. У одного из трупов даже отсутствовала вся челюсть, как будто она была оторвана жестким ударом.

Раненый черный медведь лежал на боку, тяжело и хрипло дыша, ведь копьё торчало из его спины. Под ним, раздавленное тело искателя приключений, который пронзил его в кишечник. Второй медведь, у которого не хватало левой лапы, сильно пыхтел, пока мучительно стремился к единственной человеческой фигуре, которая все еще могла двигаться.

Эта фигура была женственной по своей природе, хотя и выше средней женщины. Она была в беспорядке. Ее вьющиеся каштановые волосы были грязными и сальными, ее карие глаза скрывались под пеленой век, откуда струилась розовая жидкость, похожая на кровь, смешанную со слезами, которые оставляли чистые следы на ее пыльном и покрытом кровью лице. Дрожащими руками она держала короткий кинжальчик с маленьким сапфиром в виде украшения на рукоятке, нацеливаясь на медведя. Судя по ее одежде и отсутствию другого оружия или доспехов, стало ясно, что она была частью дворянства.

«Заряжай!», - взревела Элла, и «Лазурная Стрела» с удвоенной силой напала на раненого медведя, пронзая существо, пока оно не упало замертво, истекая перед ними кровью.

По правде говоря, они использовали бедное недобитое существо, чтобы выместить на нем всю свою боль и скопившуюся усталость, разрывая его плоть еще долго после того, как медведь испустил дух, пока не стал непригодным для вообще чего-либо, даже если они хотели бы содрать с него кожу. Это создало ужасное зрелище в целом, и когда они поняли и осознали свои действия, у них, по крайней мере, было право выглядеть стыдливо.

Неловко кашлянув, Элла посмотрела на дворянку. Леди выглядела молодой, ей было возможно, семнадцать или восемнадцать лет, уже достаточно взрослая, чтобы быть помолвленной или даже замужней дамой, но не настолько, чтобы ее считали слишком старой для организованной венчальной церемонии. Тем не менее, было любопытно. В турнире было всего несколько благородных женщин, все они поселились с детьми или, по крайней мере, вышли замуж, и все они были старше 30 лет.

Все, кроме этой, как оказалось.

«Миледи», - пробасил Джеймс, заставив благородную девушку вздрогнуть в ответ. Понятная реакция. Ее нервы, должно быть, были измотаны из-за травматического переживания, которое

она только что пережила, и это явно не помогло делу, потому что Джеймс, по сути, был гигантским бронированным человеком, покрытым с головы до ног кровью в данный момент. Союзник или нет, Джеймс выглядел пугающе для любого, кто не знал его, когда он так смотрелся.

Черт, особенно теперь, когда его доспехи выглядели такими избитыми, он словно выполз из ночного кошмара.

«Джеймс. Позволь мне справиться с этим», - сказала Мэй, и шагнула вперед. Будучи самой маленькой из этой группы, она знала, что она будет наименее запугивающей, тем более, что она была самой чистой из всех. Таково было использование лука и стрел.

Слегка колеблясь, Джеймс кивнул и уступил, позволив Мэй шагнуть вперед и протянуть руку к дворянке, приближаясь к ней так, как будто она подходила к раненному оленю в лесу.

«Эй, я ... Миледи», - поправила она себя. Даже если бы ситуация была необычной, она не стала бы забывать о минимальном этикете. - «Вы в порядке, миледи? Теперь Вы в безопасности».

На мгновение леди открыла рот и попыталась ответить, прежде чем, наконец, отказаться от этой затеи. Она остановилась, чтобы слабо кинуть Мэй.

«Хорошо», - сказала Мэй со вздохом. - «Миледи, мы выходим из подземелья. Хотите пойти с нами?»

Мэй никогда не видела, чтобы благородная женщина так агрессивно кивала в своей жизни.

0-0-0-0-0

Вздохнув, Кузнец смотрел, как последняя группа, «Лазурная Стрела», наконец, вышла из подземелья. Было тяжело наблюдать за всем этим развитием событий. Он потратил чрезмерное количество маны, пытаясь сохранить все в порядке, и воссоздание такого количества монстров, чтобы авантюристы не достигли его, на самом деле было удивительно большим. На авантюристов класса В нельзя было смотреть сверху вниз, поскольку им удалось вынести большую часть его мощных монстров. Только горстка его более мощных видов пережила все испытания.

На самом деле ему приходилось ежедневно «наполнять» свое подземелье монстрами, чтобы поддерживать количество в течение первых полутора недель. Это создало для него огромную утечку маны. Причиной этого было то, что стоимость создания существа почти утроилась, если

на том же этаже были какие-то авантюристы. Впоследствии, когда группы авантюристов начали либо умирать, либо отступать, они стали более управляемыми, а гибель искателей приключений помогла сохранить уровень маны.

<http://tl.rulate.ru/book/10507/313871>